

Авторское вступление

Почему эта книга написана

Война в Боснии и Герцеговине закончилась более тридцати лет назад. Однако созданный ею политический порядок продолжает определять жизнь страны.

Почти каждый серьезный спор здесь рано или поздно возвращается к одним и тем же вопросам. Кто имеет право представлять народ? Где заканчиваются полномочия государства и начинаются полномочия его частей? Является ли требование автономии законной защитой или подготовкой к отделению? Является ли укрепление центральных институтов необходимым развитием страны или попыткой подчинить одних воле других?

Эти вопросы не исчезают после выборов. Они переходят из одного кризиса в другой, меняя только повод и имена участников. Страна сохраняет международные границы, органы власти и место в международных организациях. Но ее внутренний договор остается незавершенным. Одни считают государство слишком слабым. Другие считают его слишком настойчивым. Третьи опасаются, что со временем потеряют возможность самостоятельно определять собственное политическое будущее. В такой системе даже обычное решение может быть воспринято как угроза. Назначение чиновника становится национальным вопросом. Изменение закона – спором о будущем государства. Выборы – проверкой того, какой народ способен навязать свою волю другому. Бойкот воспринимается как средство защиты, а вмешательство извне – как привычный способ разрешения внутреннего тупика.

Это не война. Но это и не заверченный мир.

Дейтонское соглашение остановило вооруженный конфликт. В этом состоит его основная и бесспорная заслуга. В 1995 году требовалось прежде всего прекратить убийства, изгнания и

разрушение. Невозможно требовать от мирного соглашения, принятого после тяжелой войны, чтобы оно сразу разрешило все исторические, национальные и конституционные противоречия.

Но временное решение не должно становиться вечным только потому, что стороны боятся обсуждать его недостатки.

Старый Дейтон исчерпал себя не потому, что мир оказался ошибкой. Он исчерпал себя потому, что созданные им институты больше не обеспечивают достаточного доверия между тремя народами. Они сохраняют государство, но не устраняют причины, по которым значительная часть его граждан воспринимает это государство с опасением.

Поэтому речь должна идти не об отказе от Дейтона, а о продолжении его основной задачи.

Следующий договор должен быть справедливее. Его главный принцип прост: *Босния больше любого одного народа.*

Она не может быть только бошняцкой страной, даже если бошняки являются наиболее многочисленным народом и сильнее других связывают свою безопасность с сохранением общего государства.

Она не может существовать без сербов и против сербов, поскольку мир, основанный на постоянном оспаривании их автономии, неизбежно будет восприниматься ими как временный. Она не может считаться завершенным государством, пока хорваты формально признаются равноправным народом, но не обладают надежным механизмом самостоятельного политического представительства. Равноправие не означает, что три народа должны быть одинаковыми по численности, территории или политическим возможностям. Оно означает, что ни один из них не может быть сведен к положению меньшинства, судьбу которого определяет более многочисленная общность. Это особенно важно для хорватов. Хорватский вопрос часто представляют как спор об избирательном законодательстве, отдельных должностях или интересах нескольких партий. В

действительности он затрагивает саму основу послевоенного договора. Если один из трех учредительных народов не уверен, что способен самостоятельно выражать свою политическую волю, проблема выходит далеко за пределы выборов.

Но признание хорватского вопроса не требует отрицания страхов других сторон.

Стремление многих бошняков к более сильным центральным институтам нельзя отделить от памяти о войне, осаде, изгнаниях и попытках разделить страну. Желание видеть в государстве главную гарантию безопасности понятно. Однако государство не становится устойчивее, когда укрепляется без согласия значительной части его населения.

Стремление сербов сохранить широкую автономию также имеет собственную политическую логику. Если каждое расширение полномочий центральной власти воспринимается как необратимое, а любое сопротивление ему объявляется нападением на страну, защитная реакция становится предсказуемой. Но автономия не должна превращаться в постоянную угрозу отделения или в средство остановить работу общих институтов.

Хорватское недоверие связано с другим опытом. Хорваты приняли участие в создании Федерации Боснии и Герцеговины и отказались от отдельного институционального устройства. Предполагалось, что новая Федерация обеспечит равноправное хорватско-бошняцкое партнерство. Со временем это равновесие стало менее очевидным. Численное различие все сильнее влияет на политическое представительство, а формальное равенство все меньше убеждает тех, кто не видит его практических гарантий.

Ни одна из этих тревог не исчезнет от обвинений.

В политике вообще слишком любят черное и белое. Один народ объявляется исторически правым, другой — исторически виноватым. Одна партия будто всегда защищает демократию, другая всегда ей угрожает. Одно государство объясняет

свои действия безопасностью, а действия соседа — агрессией. Такая картина удобна. В ней легко выбрать сторону и больше ни о чем не думать. Но реальная политика почти никогда так не устроена. Если два политических субъекта столкнулись два раза и оба раза один действительно был прав, статистика пока честно показывает сто процентов. Но когда государства, партии или народы живут рядом десятилетиями, принимают десятки решений, заключают соглашения, нарушают их, боятся друг друга, ошибаются, отвечают на чужие ошибки и иногда создают новые, утверждение, что один из них был прав во всех тридцати или пятидесяти случаях, начинает больше напоминать веру, чем политический анализ. Это не означает, что истина всегда находится где-то посередине. Иногда одна сторона действительно является агрессором, иногда один политик действительно нарушает договор, иногда суд устанавливает конкретное преступление, а попытка придумать виноватого «для равновесия» была бы просто нечестной. Политология не требует делить ответственность поровну. Она требует каждый раз заново задавать неприятный вопрос: кто именно что сделал, в каких обстоятельствах и какие последствия это имело. Эта книга не будет искать математического равновесия между бошняками, сербами и хорватами. Если в одном вопросе сторона ошибается, предыдущая правота не дает ей пожизненной индульгенции. Народы не бывают святыми или преступными по природе. Государства не получают вечного морального кредита. Политические партии тем более. Мне кажется опасной сама привычка превращать исторический конфликт в футбольную таблицу, где нужно выбрать команду и затем объяснять каждый ее поступок тем, что соперник когда-то сделал хуже. Государство строится иначе. Оно требует способности признать одновременно несколько вещей, которые политической пропаганде кажутся несовместимыми: Боснию нельзя делить; сербскую автономию нельзя постепенно уничтожать; хорваты не должны оставаться без равной политической субъектности;